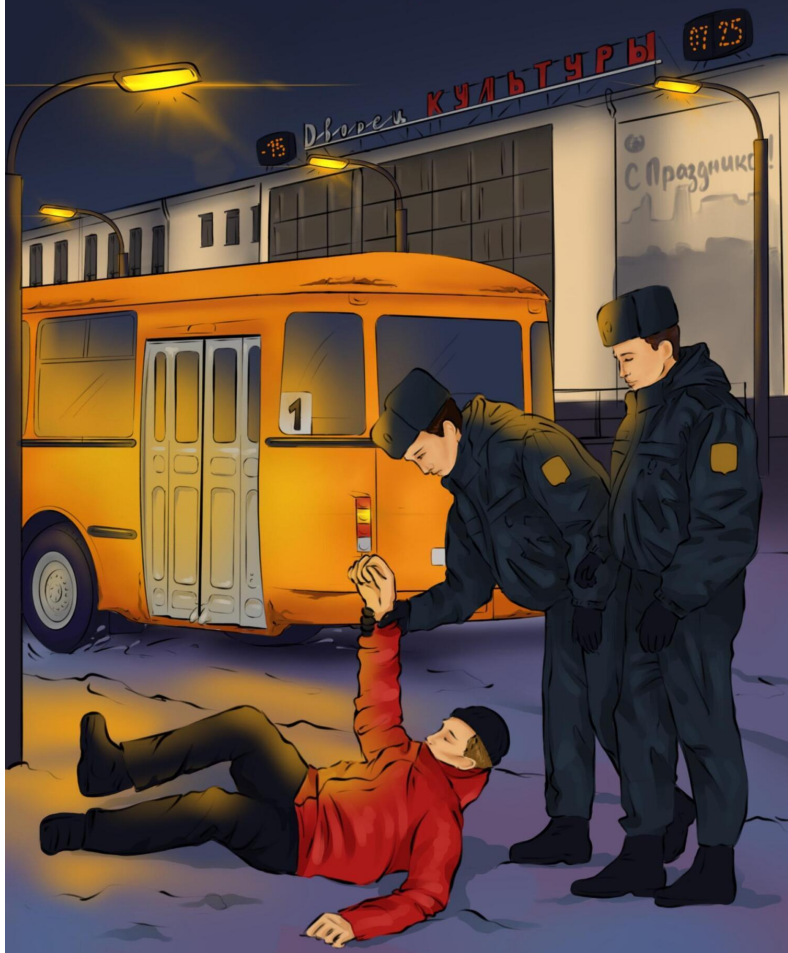

ВЛАДИМИР ФИАЛКОВСКИЙ

БРОНЕНОСЕЦ ПЕЧЁНКИН

Владимир Фиалковский Броненосец Печёнкин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68362943

SelfPub; 2022

Аннотация

Как разбиваются мечты о хорошей жизни по воле случая, а, может, это закономерность?

Владимир Фиалковский

Броненосец Печёнкин

Посвящается бывшим и настоящим гидрометаллургам.

Вадик Печенкин слыл отчаянным несунгом, но не дай вам бог было сказать такое в лицо великому труженику. Вы рисковали получить в ответ реакцию в диапазоне от ледяной презрительной усмешки до вполне натурального (как филе лосося, хотя при чем здесь лосось?) удара-шлепка в лицо. Все зависело от вашей комплекции и настроения Вадика в этот момент. Вадик работал в цехе электролиза никеля, обслуживал ванны в составе звена из четырех человек. Правда, ограничивал свою деятельность подготовкой основ для наращивания никеля и помогал коллегам на выгрузке никелевых катодов, и из шести часов рабочего времени, как минимум, два посвящал собственному «бизнесу».

Излюбленным местом Вадика был участок подготовки никелевых основ, от которых оставались обрезки, похожие на фольгу, только гораздо плотнее. Их-то Вадик и приходывал ежедневно. В укромном уголке, скрытом от посторонних глаз, он без устали колотил по обрезкам десятикилограммовой медной штангой, как можно плотнее уминая их в плотные тяжеленные брикеты. Эти брикеты он аккуратно складывал, накрывал тканью от диафрагм и раскачивающейся мед-

вежей походкой ковылял на кривых, голенастых как у деревенского петуха, лапах за новой партией матовой обреза.

Домашние знали о источнике их существования и всячески (морально, конечно) поддерживали кормильца. Молодая жена давно забросила профессию продавца дешевой китайской дряни на местном рынке и предпочитала заниматься детьми: водила семилетнюю дочку на кружки рисования и лепки (из нее должен был получиться Микеланджело, не меньше), а четырехлетнего сына в детский сад. Ему еще только предстояло познать радость многочисленных развивающих секций и кружков, но он пока об этом не знал. Дома Вадик ощущал покой, уют, и всячески старался их не потерять и даже усилить. Поэтому уносил из родного цеха никеля все больше и больше. Чтобы мужу было комфортнее, супруга разработала и сшила из прочной ткани сооружения, похожие на патронташ или армейский подсумок. Хитроумные устройства под завязку забивались никелем, и все это крепилось под одежду на голые живот, бедра, спину, голени.

В тот памятный день, о котором и пойдет речь, Вадик готовился к ночной смене: хрустел чипсами в несуразном с перекосенной спинке кресле из плюша, смотрел телевизор с диагональю во всю стену. Дети знали, что кресло-квазимодо таило в себе несметные богатства. В его щелях они находили соленый арахис, кусочки шоколада и даже куски копченых куриных крыльев. Огромный телевизор, – а Вадик считал, что заслуживает самого лучшего, – радовал четкостью изоб-

ражения, если смотреть метров за восемь или десять. Вадик героически терпел основное преимущество дорогого устройства, особенно, во время футбольных матчей, когда от резких перемещений игроков по экрану трещал жирный пек, соединявший на редкость маленькую голову с мощным туловищем. Любимая домашняя футболка Вадика презирала и отвергала домогательства стиральной машины, впитав аромат борщей, сок хинкали, жир бараньих чресл. Голодная смерть семье Вадика не грозила, ибо футболку всегда можно было отварить, получив густой навар, сродни студню, и кормиться им пару недель точно.

Без пяти одиннадцать вечера Вадик выдвинулся на автобусную остановку. Недолго ему оставалось до исполнения заветной мечты. Через пару месяцев, если он правильно подсчитал, он купит огромный внедорожник, и вся семья отправится месить привычную грязь бездорожья родного края. Дребезжащий автобус с уже прилегающей нижней платформой и заиндеветшими от человеческого дыхания внутри и жестокой зимы снаружи окнами доставил Вадика и большую часть смены к желто-грязному зданию административно-бытового комплекса. В прошлом году, в первый день после затяжного двухмесячного отпуска, Вадик так же вышел из автобуса, и от вида до боли знакомых производственных пейзажей его скоростно вырвало еще сочинским хачапури по-аджарски прямо на одну из родных заводских стен.

В раздевалке Вадик разоблачился и привычными движе-

ниями втер белесую густую мазь из тюбика в сине-бурые струпья экземы, опоясывающие пингвиньи складки на животе и спине. Такого же цвета нерукотворные гольфы облегали икры, досаждая владельцу эффектом трущейся о кожу грубой наждачной бумаги. Надо отметить, что подобные «богатства» – удел любого электролизника водных растворов, ведь испарения электролита и контакт разгоряченного тела с никелем почти всегда оставляют болезненные узоры, но Вадика болезнь любила особенно рьяно. Не смотря на довольно плотную ткань подсумков, сомнительная язь просачивалась, щедро удобряя восприимчивые поры Вадика. Дома дочка иногда с любопытством тыкала пальчиком в гнусные волдыри, а пытливый сын силился порой оторвать непонятную бахрому на ноге сонного папаши, отчего тот с диким ревом (позавидовал бы и тигр) подскакивал, не понимая, откуда нанесен урон. Ложась спать, жена брезгливо, но незаметно отползала в дальний конец безразмерной кровати (сборщики из магазина, потея и матерясь, еле втиснули лежбище, размером с Южную Америку, в крошечную спальню), стараясь заснуть до грохота авиационных турбин, яростно рвущихся из груди мужа. Но мы отвлеклись.

Пожалуй, пропустим рутину рабочего бытия, и застанем Вадика за любимым занятием, в котором он, действительно, был хорош и не имел себе равных. В его действиях ощущались звериная мощь мотивации и первобытная магия. От безудержных и беспощадных взмахов медной трубой и укра-

денной у слесарей кувалдой даже смотрящему становилось больно и жарко, словно речь шла не о сминавшемся под ударами металле, а о добыче пещерного огня, от которого зависела жизнь целого племени.

Вадик шел на рекорд, и если обычная доза металла укладывалась килограммов в двадцать, то сегодня родной цех прощается уже с сорока. Он решил приблизить мечту и удвоить усилия. Через два часа гора никелевой обрезки аккуратными брикетами лежала в укромном уголке, укрытая диафрагменной тканью, и ждала своего часа. До конца смены оставалось полтора часа, и Вадик, мучимый совестью и приступом безделья, помог озверевшим от духоты и пробегающих по сырым рубашкам электрических разрядов коллегам выгрузить половину ванны и смахнул с уткнувшегося в катодную площадку специального крана малахитовые крошки купороса на пол – убрал рабочее место.

Рабочий день, вернее ночь, близилась к концу, и Вадик поспешил наполнить корзинку грибами. На полусогнутых ногах наш Че Гевара продирался сквозь боливийский лес цеховых колонн, стараясь не вызывать подозрений у сонливых охранников. Миновав все посты и избежав расспросов, он благополучно доковылял до раздевалки. Пока все принимали душ, – для Вадика это всегда было потерей времени, – он старательно, аж слюна подтекала из уголков лоснящихся губ, перекладывал драгоценную ношу. Он удовлетворенно оглядел результат: ничего не выпирало и не торчало из-под

куртки и таких же просторных, как паруса, штанов. А вот на автобус, что отходил от цеха в шесть тридцать утра и следовал до дома, он опоздал. Пришлось ковылять до центральной промплощадки, и оттуда на городском маршруте он доехал до главной городской площади, где предстояло сделать пересадку.

Оранжевые точки часов на крыше дворца культуры показывали семь тридцать три, а термометр – минус девятнадцать, когда автобус распахнул для Вадика дребезжащие стонущие двери напротив черно-грязной фигуры с зажатой в руке вечной кепкой. Тут я вынужден разбавить нашу историю неинтересным, но крайне необходимым описанием. Поверьте, я сам пропускаю подобные моменты в опусах уважаемых современных авторов, ибо не в силах терпеть момент развязки, укутанный в рыхлое одеяло крайне аппетитных и заманчивых десятистраничных зарисовок на тему желтого кленового листа, его бесподобных прожилок и завораживающего падения с ветки на землю.

Декабрь в тот год выдался странным. Несколько дней в городе бессовестно куролесила оттепель, заставляя кинуть обувь обывателей в подмокшей снежной каше. Но ударивший вскоре мороз сковал в причудливые горные хребты грязное месиво, и жители, отчаянно чертыхаясь, покоряли их на разъезжающихся ногах. Дополняли картину длинные, поблескивающие в свете желтоглазых фонарей, полосы льда. Их особенно любила детвора, раскатывая дорожки

подошвами ботинок и проскальзывая на них, порой, целый квартал. Автомобилисты и общественный транспорт вносили свою лепту, превращая дороги и остановки в сплошной каток.

Итак, Вадик вышел из автобуса и, по провинциальной привычке, решил высматривать из-за поворота номер первый, что доставил бы его дома. Наконец, нужный транспорт прибыл, но остановился почему-то дальше обычного, и Вадика следовало поторопиться. Не будем забывать, что за ночь он «прибавил в весе», да и сам не отличался расторопностью. Вадик спешил к автобусу, навстречу неумолимой судьбе. Тут-то все и случилось. За несколько метров до цели он, поскользнувшись на слегка занесенным за ночь снежной крошкой ледяном зеркале, беспомощно порхая руками, словно голубь на покатоке подоконнике, со всего размаха опрокинулся навзничь.

Уже на земле, Вадик почувствовал нарастающую боль в затылке, но, как говорится, беда одна не приходит. Вы наверняка не раз осторожно обходили теплым южным вечером копошащихся под ногами огромных, но беззащитных жуков, прикованных к почве тяжелыми панцирями. Одного из таких насекомых как раз напоминал Вадик, бессмысленно и вяло ковырявший конечностями морозный воздух. Первопричиной ситуации, как вы догадались, послужила неравномерная загрузка нательных подсумков. Наш железный рыцарь, облачаясь в доспехи, половину «выручки» доверил

спине, как самой выгодной и удобной, «стратегической», зоне. Именно она позволяла вынести металла больше и незаметнее. Только в этот раз Вадик перестарался. От жалости к себе и не в силах ни приподняться, ни перевернуть и без того грузное туловище, глаза Вадика заблестели, тут же покрываясь тонкой ледяной корочкой. Напомню, что в этот ранний час на остановке, где останавливался общественный транспорт, следующий в город, было малоллюдно, да и тех только что забрал злополучный автобус.

Но провидение не оставило нашего героя на растерзание суровой северной погоде. По счастливой случайности, из-за поворота, откуда Вадик недавно взирал с надеждой, показались две фигуры в серой форменной одежде. Краем затуманенного от благодарности судьбе глаза Вадик заметил, как две одинаковые тени двинулись прямо к его персоне. Накатила волна умиления от ниспосланного свыше спасения.

Когда два розовых лица оказались в поле зрения, Вадик похолодел: на шапках красовались кокарды характерной государственной службы.

– Вот же наклюкался с утра, – презрительно выдавил полицейский с тощим лицом, изрытым оспинами, вглядываясь в помертвевшего от испуга Вадика.

– Может, черт с ним, пусть лежит? – предложил второй, озираясь по сторонам. – Нам еще смену сдавать, а если я дочку в садик к девяти не отведу, жена неделю пилить будет.

– Как ты с такой стервой живешь? – машинально протя-

нул первый, но тут же поправился: – Нет, он же замерзнет насмерть, да и вычислят нас наверняка. Тут камеры повсюду. В участок его надо или в теплое место какое-нибудь.

– Мужик, ты где живешь? Имя, адрес свои помнишь? – нагнулся к Вадику второй. – Что это он не моргает? Часом, не окочурился?

Представив, какая длительная их ожидает процедура по ожиданию специальной группы, оформлению трупа, заполнению разных документов, первый решительно схватил Вадика за руку и попытался поднять. Конечность подалась, тело – нет.

– Живой! Да что такое? Примерз что ли? – удивился первый полицейский, снова и снова пытаюсь оторвать Вадика от земли.

– Говорю, говорю тебе, Женька, женись поскорее, – загоготал второй. – Кормить будут, сила появится, наконец.

– А, ты, сам попробуй, Геракл доморощенный! – рывкнул первый, насупившись. – Здесь что-то не так.

– Ребята, – вдруг жалобно заскулил Вадик. – Все в порядке. Я просто прилег отдохнуть. Еще минутку полежу, – и домой. Спасибо за помощь, идите с миром.

Полицейские, словно любопытные коты, обнаружившие логово опасных крыс, уже не могли оторваться от своей жертвы. Схватив с обеих сторон Вадика за руки, они тщетно силились хоть на миллиметр сдвинуть или приподнять мертвый груз, приправляя действия отборным непечатным сло-

гом. Поняв, наконец, что дело нечисто, один из полицейских похлопал по изнывающим от избытка металла телесам. Наш закованный в рукотворный панцирь страдалец был разоблачен. Западня захлопнулась, и творцом ее явилось не провидение, а сам Вадик, словно мощным магнитом притянутый навсегда к ледяной корке.

– Вот это бронежилет! – одобрительно воскликнул первый полицейский, переворачивая и поглаживая Вадика по спине и животу. – Такой прямое попадание из ручного противотанкового гранатомета сдюжит!

– Да не просто выдержит, – подтвердил второй. – Отрикошетит обратно во врага!

Вадик волочился слизняком, прилипал к поверхности, притворялся обессиленным, пока полицейские настойчиво, словно мачту, устанавливали его вертикально.

– Ну, что, броненосец, поплыли к берегу потихонечку, – почти ласково произнес первый полицейский, подхватывая стушевавшегося Вадика под мышки слева. – Мы уж проследим, чтоб ты не затонул по пути до порта назначения.

Второй полицейский охнул, выругавшись, когда утяжеленный Вадик обрушился слоновьей ступней на казенный ботинок. Закончилось странствие рыцаря и двух его оруженосцев в полицейском участке, где Вадика, к великому его облегчению, освободили от нерадостной тяжести уже чужих доспехов.

В тот же день Печёнкина уволили.